

ЧАСТЬ I

Пролог

У километрового столба Киевского шоссе с отметкой 81 поворот к дачному массиву Минсельхоза «Ивушка-2». Километр в сторону Москвы — деревня Котово.

Сквозь густо посаженные ели четко виден уходящий в небо белый обелиск в форме трехгранного русского штыка. С осени и до декабря 41-го здесь, на клочке земли между деревнями Рождество и Башкино, насмерть стояла дивизия народного ополчения, наспех сформированная из сотрудников наркомфина.

Ощетинившийся в решающей схватке город бросил навстречу лязгающим по нашей земле и смердящим чужой гарью вражеским танкам и мотоколоннам все, что мог. В бой шли все, кто был способен взять в руки оружие... Люди сугубо мирной профессии, финансовые работники всех уровней и степеней со всей Москвы, плохо вооруженные и без подготовки. Они почти все полегли у этого последнего рубежа, но через оставшихся в живых так и не прошли немцы, рассчитывавшие на этом направлении сделать свой последний прыжок и ворваться в Москву...

За спиной оборонявшихся река Нара, далее Нарофоминск...

Земля до сих пор как страшную память сохранила очертания наспех засыпанных весной 42-го окопов и блиндажей ополченцев. Впереди огромное, тогда «ничейное» поле, застроенное сегодня почти сплошь дачами. В двух километрах от линии оборо-

ны деревня Рождество, птицеферма... Так и не восстановленный полностью разрушенный войной храм...¹

В 1980-е годы были заменены при частичной реставрации купол с новой позолотой и сияющий в лучах солнца золотой крест. Именно там, на колокольне, с которой хорошо просматривается местность, был оборудован НП², сначала нашими, потом немцами...

Рядом массовое захоронение павших при декабрьском наступлении Красной армии... На черном мраморе памятника-мемориала поименно высечены имена советских воинов... Их много.

Земля перед наружной алтарной стеной церкви густо и широко заросла высоченной крапивой — вечной спутницей человеческого жилья. Среди плотной стены крапивы еле видна тропинка. Если пробраться по ней сквозь крапиву, то через несколько метров натолкнешься на очищенный чьей-то заботливой рукой от мусора и старой травы кусочек земли. Буквально в метре от красной кирпичной стены храма с алтарной стороны невысокий, не более 80 сантиметров, торчит врытый в землю католический крест из нержавеющей стали с прикрепленной к крестовине металлической пластиной.

HIER RUHT IN FRIEDEN ERICH BAUM 9.XI.13
GEBOREN 7.XI.41 GEFALLEN.
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ РУССКИМ И НЕМЕЦКИМ
СОЛДАТАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ³

Удивительное... странное захоронение... надпись на кресте...

По словам местных жителей, сюда в конце 1980-х приезжали какие-то немцы из Германии, якобы родственники погибшего здесь солдата, и на свой страх и риск оборудовали памятную мо-

---

¹ Христорождественская церковь в деревне Рождество, основана в 1897 году. Недалеко — Башкино. Святыня храма — икона Покрова Божьей Матери, сохранившаяся со времен его основания.

² НП — наблюдательный пункт.

³ «Здесь покоится с миром Эрих Баум 9.XI.13 года рождения. Убит 7.XI.41...» (пер. с нем., здесь и далее все переводы с нем. автора).

гилку. Как немцам стало известно о месте гибели родственника, он ли это, в деревне не знают.

— Зачем разорять пусть и чужую, но могилу? Кто бы ни был, все-таки человек, хоть и немец, — говорит пожилая женщина, девчонкой пережившая в этой деревне те далекие, навсегда оставшиеся в памяти страшные дни...

Сегодня, в 2017 году, уже нет креста, да и само место захоронения исчезло, просто земля с высокой травой. Старожилы поговаривают, что побывавшие здесь ранее родственники немецкого солдата могли тайно вывезти останки на родину.

В этом районе много памятных захоронений павших во время первого поражения вермахта под Москвой. В декабре 41-го. Красноармейцы, командиры, ополченцы... Многонациональная масса всех возрастов. Русские, советские люди... Безусые юнцы, не познавшие любви, поминавшие перед смертью маму, и не подлежавшие призыву старики, наверное, обращавшиеся к Богу...

Обозначенное крестом место, пожалуй, единственное на всю округу... И это справедливо. Здесь лежит враг. Нет и не может быть сегодня памятника всем им, вторгшимся в нашу страну под лозунгом «Освобождение России от “жидомасонского ига”» и сгинувшим здесь, на русской земле...

Не «жидомасоны» были их противниками, не комиссары-евреи, не коммунисты. Их пугал набравший силу Советский Союз и, прежде всего, крепнувшая Россия, сплотившая вокруг себя десятки народов разной национальности. Разбить, расчленив Советский Союз. Разрушить многонациональное государство и навсегда уничтожить его... Превратить советских людей, прежде всего русских, украинцев, белорусов, в рабов. Заставить признать расовое превосходство немца-арийца над ними. Славян, близко стоявших к арийской расе по внешним биологическим признакам, частично онемечить, частично в качестве пушечного мяса бросить в бой против американской плутократии... Островной Альбион не в счет. С несговорчивой Англией Германия управится после уничтожения России...

Может быть, убитый красноармейской пулей или осколком уральского металла в ноябре 41-го Эрих Баум не был сторон-

ником нацистского режима. Коммунист или социал-демократ. Принадлежал к антивоенным религиозным пацифистским организациям, которых было достаточно в Германии. Не хотел войны, в душе был ее противником. Не разделил судьбу узников концлагерей, как два миллиона не покорившихся режиму его соплеменников, из которых 300 тысяч было физически уничтожено нацистами. Может быть...

Скорее другое. Годами со школьной скамьи ему вдальблывали в голову: DER KOENIG RUFT, WIR FOLGEN¹. Как организованный и дисциплинированный немец, верноподданный и покорный, он шел на убой, выполняя волю обожаемого фюрера... А может, Эрих искренне верил в гений вождя нации, обещавшего вернуть обесчещенной поражением в Первую мировую Германию ее былую экономическую и политическую мощь, сделать немцев счастливыми и богатыми, обеспечить достойной работой, жильем и пищей. И Эрих Баум, как большинство немцев, уже видел себя хозяином покоренной Германией территорий далекой, но такой богатой ресурсами и дармовой рабочей силой, заснеженной и таинственной России. Или поверил Гитлеру, что будущее немецкой нации зависит от уничтожения коммунизма, в его бесовскую теорию расово-биологического превосходства над непонятными и незнакомыми немецкому обывателю «недочеловеками»-славянами? Был уверен, что во имя спасения Германии следует истребить прежде всего «извечного виновника» всех зол на Земле — еврея... До единого... Евреи, как нация, должны исчезнуть...

Немцы и русские в разные исторические эпохи в течение многих поколений то сливались в объятиях любви и преданности, то превращались во врагов...

Немецкие кавалеристы и знаменитая саксонская пехота в составе армии Наполеона шли на Москву, а спустя время превратились в надежных союзников. Проявили мужество и стойкость в битве народов под Лейпцигом против тех же французов в 1813 году, понеся при этом наравне с русскими и французами наибольшие потери...

---

¹ «Король призывает, мы следуем за ним» (пер. с нем.).

История пребывания жителей деревни Рождество «под немцами» удивительна и примечательна. Ее следует особо описать, опираясь на воспоминания еще живых очевидцев или их потомков, сохранивших в памяти рассказы бабушек и дедушек. Даже четверть века советской власти не смогли вытеснить из сознания и быта стремления к общинности, этой высокой человеческой духовности, столетиями правящей поведением русского человека. Утверждаю, что западное общество, западная цивилизация лишены такой особенности, присущей более славянскому характеру. Пришелец-супостат всегда был чужим. Много их было в разные времена. Все они, так или иначе, растворялись, исчезали на обширных пространствах России. Необъятная Россия всегда поглощала пришедших с оружием захватчиков. Так устроена Россия: она принимала только тех, кто приходил к ней с добром или помощью... Об огромном сражении, развернувшемся в Подмосковье, жителям ничего не было известно. Над их головами днем и ночью в сторону Москвы на разных высотах непрерывно летали вражеские самолеты. И в видимом пространстве ничто им не мешало нести смертоносный груз... Они не знали, что на этом участке сражающихся сторон было временное затишье... Но они знали другое. В двух километрах, в районе деревни Банкино, проходит оборонительный рубеж Красной армии, который немцы так и не смогли преодолеть.

В немецкие разговоры об их успехах в боях на других участках, о скором падении Москвы никто не верил... Они не могли знать, что в немецком обозе вместе с оркестром следует чистой воды ариец-тамбурмажор¹. Двадцатилетнего красавца специально готовили в Берлине для парада на Красной площади. Судьба его заслуживает внимания. Он пройдет советский плен, курс антифашистской школы в подмосковном Красногорске, знаменитую «антифу»... После создания Германской Демократической Республики он также будет тамбурмажором, но уже в Национальной народной армии Республики...

---

¹ Тамбурмажор — капельмейстер, задающий ритм и темп оркестру на марше.

После тяжелого боя части Красной армии вместе с остатками Московской дивизии народного ополчения отошли на заранее подготовленный рубеж обороны у деревни Башкино. Двухкилометровое «ничейное» поле немцы так и не перешли. Короткое затишье — и в Рождество вошли немцы... Стояли погожие дни затянувшегося бабьего лета... Немцы быстро навели новый порядок. Уверенные в скорой победе, немцы не стали зачищать эту прифронтовую зону. Скоро деревня стала свидетелем зверской расправы немецкого солдата с одиннадцатилетним мальчишкой Венькой Даниловым¹, известным в деревне озорником. Немецкий солдат «на пальцах» показал Веньке, что тот должен помыть в протекавшем недалеко от деревни ручье сапоги, обляпанные глиной. То ли не поняв немца, то ли, скорее всего, от присущего мальчишке озорства произошло непредвиденное. Поставленные перед немцем «широкотрубные» солдатские сапоги были идеально вымыты и внутри. После того как изумленный немец убедился в том, что сапоги безнадежно мокрые внутри, он ухватил пацана за ворот и кованым каблуком стал бить по лицу, пока Венька не потерял сознание. В воплях немца, как утверждали пацаны, укрывшиеся за забором, они уловили слово «партизан». Очнувшегося Веньку они оттащили через улицу за забор соседнего участка. До конца жизни он носил на лице жуткую отметину войны: полуприкрытый веком изуродованный глаз, шрамы на разорванных и плохо сросшихся губах, щербатый рот... Но тогда оклемавшийся Венька и вправду почувствовал себя партизаном и стал мстить супостату. Он выследил «своего» немца и, улучив момент, через открытое окно ловко забросил в кипящее на огне ведро с немецким варевом кусочек «добытого» им у тех же немцев карбида. Немцы остались без обеда, так и не поняв, почему их варево стало несъедобным. Изобретательный Венька много всякой шкоды чинил «своим», как он теперь считал, личным врагам. В своей мести немцам Венька был не одинок. Пара надежных дружков, как правило, обеспечивала прикрытие...

---

¹ Вениамин Федорович Данилов (1930–2012).

В памяти местных старожилов, в ту военную пору детей, повзрослевших в кровавом смерче войны, на всю жизнь остались болтавшиеся на виселице перед храмом пятнадцатилетние мальчишки с плакатом на груди «Партизан». Они перед войной успели закончить седьмой класс местной школы. Были связаны с партизанами. Их схватили по доносу кого-то из местных. Под страхом расстрела немцы запретили снимать и хоронить повешенных несколько дней.

В декабрьские морозы 1941 года все немецкое моторизованное хозяйство осталось без движения, замерзло напрочь. Для эвакуации нескольких армейских прицепов немцы пригнали своих крепких лошадей. Кому-то из советских патриотов удалось сделать лошадей «безнадежно больными». В уши лошадей был засыпан горох. Мучительные боли принудили животных безостановочно мотать головой и не подпускать к себе хозяев. Из-за этой «болезни» немцы пристрелили лошадей и остались без транспорта. Но самое страшное ожидало жителей деревни впереди...

Московская область. Нарофоминский район. 80 километров от Москвы. Деревня Рождество, дом № 22. Добротное кирпичное строение на высоком каменном фундаменте. Здесь и сегодня проживают Семеновы. Потомки тех, кто в страшные, трагические для всего живого дни немецкой оккупации должны были умереть заживо сожженными немецким огнеметчиком. За домом — сарай. Самый большой на всю деревню. Он был на бревенчатой основе и крепко сколочен из толстенных досок. Небольшое окно, взятое в решетку. Надежно закрывающаяся с улицы железным засовом дверь с амбарным замком...

В ночь на 6 декабря со стороны Москвы небо озарилось огненными всполохами, а ветер донес гул, похожий на грозовые раскаты грома. Эта работала наша артиллерия. Со стороны Обнинска вели огонь немецкие орудия. Пovýлезавших из своих укрытий в землянках, погребях, холодных сарайчиках жителей немцы загнали обратно, приказав не появляться на улице под страхом расстрела. Немцы торопились. Гул боя заметно усилился. Наша артиллерия била по шоссе. Несколько снарядов разо-

рвались на окраине деревни. И тут началось самое страшное. Прикладами и пинками солдаты стали загонять в сарай Семеновых всех тех, кто не успел убежать и спрятаться. Собственно, и бежать-то было некуда, кругом немцы. В сарае кроме хозяев оказались почти в полном составе Даниловы, Захаровы, Гороховы, Шишкины, Гусевы... Много чужаков-беженцев из окрестных деревень, уцелевших и нашедших приют у местных жителей. Всего в сарае битком набилось до сотни человек. Они молча стояли, тесно прижавшись друг к другу. О том, что происходило в сарае и около него, позже рассказывала, еще при жизни, Ксения Яковлевна Семенова. В ту пору — подросток лет пятнадцати. Способная к учебе девочка в школе была круглой отличницей. Особо хорошо ей давался немецкий язык... Она была в классе, пожалуй, единственной, кого всегда ставила в пример учительница. Ксюша хорошо понимала немцев. Через щель у оконной рамы она увидела двух солдат. У одного на спине был закреплен большой металлический ранец, а в руках он держал длинный металлический предмет, похожий на ружье, от которого, изгибаясь, уходил за плечо черного цвета шланг. На дуле «ружья» дымилась металлическая насадка...

Вездесущий Венька Данилов разъяснил Ксюше, что это длинное «ружье» — немецкий огнемёт. Как все пацаны военного времени, он разбирался в оружии. Оба немца что-то кричали друг другу, размахивая руками. Из их криков, заглушаемых приближающимся боем, Ксюша поняла, что огнемётчик почему-то не хотел поджигать сарай. Она ясно уловила отдельные немецкие слова: «Дети, женщины, старики... это не солдаты»... «Огонь!», — злобно кричал другой немец. Неожиданно немец-огнемётчик, показывая рукой в сторону, закричал: «Русские танки!», и побежал к храму, чтобы укрыться. На бегу он освободился от ранца, отбросив его вместе с огнеметом в сторону. За ним прытко устремился и «злой» немец...

По деревенской дороге катился советский танк. Развернув в сторону убегающих немцев башню, танк глухо бухнул из своей короткоствольной пушки. Прошло, может быть, всего несколько минут, показавшихся людям в сарае долгими часами, когда

прочесывающие деревню красноармейцы, услышав глухой шум человеческих голосов, отодвинули тяжелый засов сарая. Обезумевшие от радости люди, заливаясь слезами, обнимали своих спасителей... Кто-то из бойцов отнес в сторону брошенный немцем огнемёт и ранец...

Краткая родословная в воспоминаниях Виталия Короткова

Мы договорились с Виталием, что я не буду знакомить его с материалами рукописи, позволив себе тем самым более свободно и независимо работать над текстом. При необходимости я буду консультироваться с ним, возможные «огрехи» остаются на моей совести. «В случае чего тебе же легче будет объяснить любому, что ты не участвовал в работе над текстом», — поставил я свои условия. Обсудив это, после некоторых колебаний Виталий согласился со мной. Это не коснулось материалов, которые были предоставлены Виталием мне и целиком вошли в книгу.

* * *

Дед Виталия по линии мамы был цыган. Может быть, поэтому в нем всегда так быстро закипала «цыганская кровь», на всю жизнь сохранились страсть к путешествиям, тяга к незнакомым местам, желание быть в дороге. Вот такое смешение кровей и явилось, наверное, основой формирования характера Виталия. Кто бы мог подумать, что за внешностью спокойного уравновешенного и рассудительного, всегда убежденно излагавшего четко сформулированные мысли человека скрывалась буйная натура, заложенная в нем на генном уровне. Умение не давать себя в обиду, постоять за себя проявлялось даже в раннем детстве. И на мальчика родителям часто жаловались воспитатели в детском саду, называя его драчуном, который колотил всех обидчиков. Мама, ругая его, повторяла: «В кого это ты такой уродился», — забывая, наверное, про цыганско-революционное наследие.

Прадед Виталия по отцу родом из села Стремилово Лопасненского уезда Московской губернии. Был старостой, стало быть, зажиточный. Отец — Виктор Васильевич в 1918 году добровольцем вступил в Красную армию. Потом ЧОН. Участник подавления тамбовского восстания. В начале 1920-х годов — командирские курсы, спустя пару лет — командир взвода в знаменитой 25-й Чапаевской дивизии, дислоцировавшейся в те годы в Полтаве, где и познакомился с будущей мамой Виталия.

Корень всех семейных событий в роду Коротковых, как считает сам Виталий, в его деде — Василии Ефимовиче Короткове из того же села Стремилово. Дед, крестьянин по происхождению и положению, в зимний период занимался так называемым отхожим промыслом, работая в различных типографиях Москвы, где и освоил профессию литографа по камню, требующую особого мастерства и терпения. Вот почему этот старательный и способный человек со временем очутился в знаменитой в те годы типографии Сытина и настолько пристрастился через чтение к литературе, что это самообразование превратилось в настоящую страсть и любовь к книге. Большой шкаф в его деревенском доме был буквально набит сочинениями русской классики, а на стене висели портреты самых почитаемых им Льва Толстого и Федора Достоевского.

В 1904 году дед вступил в партию большевиков — РСДРП(б). Участник революции 1905 года, один из организаторов восстания ткачей в г. Иваново-Вознесенске. После разгрома восстания его тайно привезли в Стремилово на дровнях, груженых мешками с древесным углем. В одном из мешков и был доставлен скрывавшийся от ареста и расстрела дед Василий. В годы Гражданской войны он был одним из руководителей советской власти в Стремилово, потом продолжил работать в типографиях Москвы.

Отца Виталия, кадрового военного, а стало быть, и его семью служба бросала по просторам Отечества, и каждое новое место приходилось обживать заново. Новые впечатления цепко держались в памяти мальчугана.

Дядя Даня. Посвящение в политику. Испания. Первая схватка с нацизмом

Жаркое лето 1936 года. Заболевшего корью Виталия поместили в сельскую больницу, примыкавшую к окраине Новоград-Волынского, в ту пору захолустного городишки на реке Случь. Это западная часть Житомирской области. Здесь стояла воинская часть отца. Совсем близко польская граница. Мама трижды в день навещала сына, чтобы покормить его вкусненьким-домашним.

Особую радость малышу доставлял обед, как правило, из самых вкусных и любимых кушаний, приготовленных мамиными руками. Домашний борщ, заправленный забористым чесноком, растертым со старым салом, кусочки безумно вкусного жаркого или еще лучше и желаннее — мамины котлеты, обсыпанные свежим укропом. И обязательно компот или любимый кисель в бутылке про запас, так хорошо утолявший жажду. Упакованный в прочитанные отцом газеты обед надолго сохранял тепло домашней печи. Была такая в их квартире большая, самая настоящая «русская печь», как ее здесь называли.

Как-то он попросил маму оставить ему газеты, прочитав заголовки о событиях в Республиканской Испании. Оставшись один, он стал читать. Слова заинтриговали его: «Над всей Испанией безоблачное небо»¹. Часто посещавший их в Новоград-Волынском родственник мамы дядя Даня, заметив не по возрасту интерес племянника к политическим событиям в далекой стране, добыл для него географическую карту Испании и выписал газету «Пионерская правда» и журнал «Пионер», в которых в доступной для детей пионерского возраста форме подробно освещались события в охваченной гражданской войной Республике. Виталия завораживали новые для его восприятия слова: «каудильо», «легион “Кондор”»...

Дядя Даня работал в Киеве и по служебным делам довольно часто заезжал в Новоград-Волынский, уделяя внимание люби-

---

¹ Слова-пароль с призывом Франко к военным заговорщикам к восстанию против Республиканского правительства в Мадриде.

тому племяннику. Ему явно доставляло удовольствие вместе с Виталием обсуждать события гражданской войны в Испании, отмечая флажками беспрерывно меняющуюся линию фронта и все более сужающееся кольцо франкистских войск вокруг Мадрида. Виталий с трудом сдерживал слезы и, сцепив зубы, заставлял себя не расплакаться, узнав о гибели Лины Одены из Каталонии, члена Союза Коммунистической молодежи Испании, замученной и расстрелянной мятежниками. Как многие советские дети, он с гордостью носил пилотку-«испанку». Все три года этой войны он был в мыслях там, в Испании, среди бойцов Интербригад. Он запомнил картину разрушенной Герники. Это сделали фашисты — пилоты немецкого легиона «Кондор» и их итальянские союзники.

Его потрясла история советского пилота, защищавшего небо Мадрида. Он выпрыгнул с парашютом из подбитого истребителя, но был схвачен фашистами и зверски замучен. Нацистские изуверы разрубили тело советского летчика на куски, упаковали останки в деревянный ящик и сбросили на парашюте в центр столицы Республиканской Испании. Они были уверены, что этот акт средневекового изуверства устрасит защитников Республики. Реакция была обратной. В ответ на действия франкистской хунты и помогавших ей всей своей мощью нацистского режима в Германии и фашистского в Италии Советский Союз увеличил поставки военной техники. Особо прославились наши самолеты. Юркие истребители И-16 («ишачки») и И-153 («чайки»), которые республиканцы ласково прозвали «москитос», вместе с испанскими пилотами не дали фашистам с воздуха разрушить Мадрид.

Интересно, знает ли сегодняшняя молодежь, постсоветское поколение России, происхождение слов «пятая колонна», то есть подрывных сил внутри воюющего государства? Так определил каудильо, вождь, фюрер мятежников — генерал Франко: «Мы будем наступать на Мадрид четырьмя колоннами, пятая ждет нас в городе»...

Виталий несколько раз и подолгу в подробностях рассказывал мне о самом любимом в своей мальчишеской жизни родном

брате мамы — Данииле Власовиче Якименко, в семейном кругу — Даня, который был кумиром племянника. Дядя Даня — человек необычной трагической судьбы. Он возник в жизни Виталия в середине 1930-х годов в красивой милицейской форме, работая в ту пору заместителем начальника Черниговского управления НКВД. Вскоре, однако, он был уволен из милиции по причине скрывтия факта короткой службы в войске Петлюры, чему, по рассказам мамы, было много свидетелей, когда дядя Даня в годы Гражданской войны появился в Полтаве во дворе родительского дома, красуясь на коне в петлюровской форме и при шашке на боку... Но арестован он не был и всю свою гражданскую жизнь проработал в кооперации и «Союзпечати». Как рассказывала Виталию мама, он был большим жизнелюбом, трижды женился, но по необъяснимым причинам все его избранницы были красавицы еврейки с серыми глазами. Одна из жен была расстреляна в 1941 году в Киеве в Бабьем Яру. С началом Отечественной ушел добровольцем в Красную армию и в 1942 году был тяжело контужен и ранен. Малюсенький осколок германского металла пробил сердечную сумку и навсегда осталась в сердечной мышце, не мешая сердцу отстукивать положенное ему время... В Омском госпитале пролежал полгода и вновь женился на еврейке с серыми глазами... С тяжелой инвалидностью вплоть до своего ухода из жизни на 93-м году удивлял всех бодростью духа, оставаясь в активном общении с окружающим его миром, пропагандируя социалистические идеи и жестко критикуя возрождающийся капитализм. Таким остался в памяти Виталия легендарный дядя Даня...

Он не только ввел маленького и любимого племянника в политическую жизнь страны, но впервые познакомил его со вкусом шоколада... Такое не забывается...

Спустя несколько десятилетий Виталий по делам Службы с особой секретной миссией очутился в Испании. Это свершилось, как чудо, похожее на волшебный сон. Знакомые с детства картины, хорошо известные ему города Андалусии: Малага, Севилья, Гранада... Шахтерский край. Сразу же память выбросила знаменитые слова поэта Михаила Светлова, позже

положенные на музыку: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю крестьянам Гранады отдать. Гранада, Гранада, Гранада моя...» И вновь в памяти всплыли андалусские шахтеры-горняки, вооруженные самодельными динамитными гранатами с бикфордовым шнуром. Вот он в Мадриде перед величавой громадой телеграфа, на крыше которого в годы гражданской войны находился пункт управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО), кучно размещены орудия и пулеметы...

Долина Павших в нескольких десятках километров от Мадрида в гористой местности. Величавый монумент, вершину которого венчает гранитная громадина Креста. Это память всем погибшим в гражданской войне 1936–1939 гг. Здесь захоронено более 30 тысяч павших с обеих сторон. У подножия Креста покоится и сам каудильо.

— Знаешь, — говорил мне Виталий, рассказывая историю о Долине Павших, — трудно поверить в искренность палача, развязавшего кровавую бойню, но факт остается фактом — возвышающийся над бранным миром, человеческим горем и прахом христианский символ обращен к потомкам в знак осознания и прощения...

В наших встречах и беседах мы часто обращались к испанской трагедии. Это была самая первая схватка с нацизмом, которая, к сожалению, оказалась далеко не последней. Нацизм вновь расцвел кроваво-коричневым цветом на сегодняшней Украине...

Мы оба, автор и Виталий, своим прошлым связаны с Украиной. Все, что происходит сегодня на ее кровоточащей земле, болью отдается в наших сердцах...

Быть в Мадриде и не посетить Прадо было бы для Виталия преступлением перед совестью. Боже! Какое это чувство — видеть великих испанцев: Гойю, Веласкеса, Мурильо... Босх! В свое время инквизиция конфисковала все работы гениального фламандца, показавшего суть человеческой души. Картины были надежно укрыты в тайных хранилищах...

Как-то я спросил у Виталия, чем вызывались подобные командировки в Испанию, Южную Америку, в частности в Аргентину. Он посмотрел на меня внимательно:

— Ты поймешь меня, если я скажу, что в нашей Службе есть такие задания и поручения, секретность которых может быть бесконечно долгой. Ты, как и я, полевой офицер и знаешь это.

Детские воспоминания Виталия

Во время службы отца в Новоград-Волынском Виталий вместе со сверстниками испытывал до замирания сердца восторг от отработывающих сабельный удар конников при рубке лозы... В этом районе кроме танковой части отца были дислоцированы две кавалерийские дивизии, и какой только вольтижировки не насмотрелся Виталий... До сих пор память хранит запах конского пота... Конные атаки с пиками наперевес... Блеск ввысь вскинутых сабель, пригнувшиеся к шеем коней всадники, крутые развороты пулеметных тачанок, топот сотен копыт и поднятая высоко в небо пыль от бешено скачущих лошадей... Все это происходило на большом и хорошо обозримом поле, куда мальчишки из военного городка имели доступ...

Ярким воспоминанием остался так называемый «освободительный поход» Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Сентябрь 1939 года... Танковая бригада, в которой служил отец, была поднята по тревоге и выступила в направлении польской границы... Только через месяц семья получила известие, что они скоро будут переведены по новому месту службы отца в г. Львов. Вместе с семьей начальника штаба бригады они разместились в большой легковой, иностранного производства автомашине. Они с вниманием смотрели на этот новый, вчера еще чужой заграничный мир, ухоженный, удивительно чистый и пока непонятный. Их поразили улицы Львова, мощенные незнакомой для советского человека красивой и ровной брусчаткой, необыкновенной архитектуры дома... Невиданное устройство — лифт, поднявший их на пятый этаж. Огромная квартира с большой кухней, ванная, отделанная настоящим мрамором, мусоропровод. Квартира в прошлом принадлежала полковнику Войска Польского. В шкафу Виталий обнаружил военный мундир с позументами и знаменитую фуражку-«кон-

федератку» о четырех углах. В том же шкафу он обнаружил и скрытно унес к себе в комнату не замеченную родителями роскошно иллюстрированную книгу «Кобета»¹. Тайно разглядывая эту красочную книгу, мальчишка с повышенным интересом любовался красотой женского тела, впервые представшего перед ним в совершенно новом виде. Все это делалось скрытно от родителей, зачастую под одеялом при свете фонарика... Восхищаясь красотой юных женщин, он вспомнил себя в неполных пять лет, когда молодая и самая красивая в мире женщина — мама взяла мальчика в женскую баню. Другой возможности помыть по-настоящему свое дитя у мамы не было. В клубах пара мальчишку ошеломило, как ему показалось, огромное количество обнаженных женских тел со всеми «прелестями» старости, казавшимися ему страшными ведьмами с вздыбленными волосами. Потом не раз, пока не повзрослел, виденное всплывало, как какой-то страшный ночной кошмар...

С началом учебы в пятом классе все «тайные проделки» сразу же отошли на задний план. Виталий любил учебу и преуспевал по точным дисциплинам, особенно любил физику, удивляя учителей своими превышающими школьную программу знаниями. Появилось у него и новое увлечение, интерес к которому в нем в свое время разбудил дядя Даня. Виталий рассказывал мне, какое чувство неподдельного восторга он испытывал, когда ему попадалась малоизвестная почтовая марка какого-нибудь Сенегала или Берега Слоновой Кости. Ведь их географическое положение еще следовало обнаружить, то есть найти на карте. Каждый раз это было изумительное путешествие в другой, неизведанный мир.

Недалеко от дома Виталий нашел магазинчик канцтоваров и коллекционных почтовых марок разных стран, которые он мог приобрести за счет сэкономленных денег, выдаваемых родителями на школьные завтраки. Хозяин магазина симпатизировал любопытному и развитому не по годам русскому мальчугану, который еще и пытался вести с ним беседу на польском языке.

---

¹ Кобета — женщина (с польск.).

Он доверял мальчишке, оставляя одного в магазинчике и поручая ему понаблюдать за порядком и сообщать, что хозяин скоро появится. Если бы Виталий был верующим человеком (но он оставался глубоко убежденным атеистом), то попросил бы у Создателя отпустить один-единственный грех за всю его сознательную жизнь: он стащил из большого альбома с марками одну из двойных марок. Удивительно, ему стыдно за это до сих пор...

Мне хочется отметить некоторые случаи из школьной жизни Виталия. Они не только запомнились ему, но и послужили уроком на долгие годы. Первое столкновение в жизни нашего героя с человеческой непорядочностью. Как это ни парадоксально, случилось это во втором классе, и было ему девять лет. В данном случае возраст не имеет никакого значения. Вспомни, читатель, себя в таком же возрасте, и ты согласишься с автором. Витасик (так звали его в семье) влюбился. Эта была лучшая ученица класса, как сказали бы сегодня специалисты-психологи, «с синдромом отличницы». Красивая девочка Лиза с белыми косичками и ярко-голубыми пронзительными глазами, холодно взирающими на окружающий мир. Он передал ей записку: «Лиза! Я тебя люблю! Виталий». Прочитав послание, Лиза подняла руку и, получив разрешение, подошла к учительскому столу и передала записку учительнице, презрительно взглянув при этом на Виталия. Прочитав «любовное послание», учительница подняла Виталия и громко, с издевательской ноткой зачитала его классу, пара девочек хихикнули, мальчишки молчали. Многие из них уже были знакомы с кулаками Виталия. До конца школьных лет, то есть до ухода на фронт в 1943 году, Виталий исключил из своей, пусть и мальчишеской, жизни женский вопрос.

22 июня 1941 года. Война

Рассказывает Виталий Коротков:

Война застала нас во Львове, по месту службы отца. В середине июня 1941 года отец получил путевку в санаторий «Святошино» под Киевом по линии Наркомата обороны, и он уехал на отдых. Львов подвергся воздушному налету на рассвете

в первый же день войны. Совсем близко были слышны мощные взрывы. Кое-где вспыхнули пожары. Мальчишки нашего двора, среди которых был и я, тут же очутились на крыше, чтобы лучше рассмотреть, что творилось в городе. Мы и представить не могли, какой смертельной опасности мы подвергались. Четко были видны запускаемые кем-то зеленые ракеты в разных направлениях. Позже мы узнали, что это была работа немецких диверсантов, указывавших нужные для немцев цели.

Телефон в нашем доме молчал. Позже отец рассказал, что он пытался дозвониться из Киева, но безрезультатно, связи с городом не было. Никто из штаба, где работал отец, нам не звонил. Мы все были уверены, что наши быстро переловят диверсантов-ракетчиков, а Красная армия разобьет немцев и скоро мы будем в Берлине. Через два дня вечером появился отец. Оказалось, он выехал из Киева первым же поездом в день начала войны. Только спустя еще два дня мы поняли, что не появившись вовремя наш отец, выехать из города нам бы не удалось. Ни команды, ни помощи, ни возможности у нас не было. Да мы и подумать не могли, что через очень короткое время враг войдет в город.

Через несколько часов, как отец появился в доме, еще до восхода солнца, на улице перед домом, где жили семьи комсостава, появились грузовики. Их было, наверное, больше десяти больших машин, груженых крупными ящиками защитного цвета, как выяснилось, с дефицитными деталями для танковых двигателей, на которых мы и разместились, плотно прижавшись друг к другу, женщины и дети, вместе с отцом и несколькими командирами-танкистами. Ни одного чемодана с нужными в дороге носильными вещами ни у кого не было. В руках каждого гражданского небольшой узелочек. Все. По дороге к нашей колонне присоединилось еще несколько машин, следующих вместе с нами по месту дислокации своей танковой дивизии где-то в районе Тернополя.

Недалеко слышались бомбовые разрывы. Город бомбили. Взрослые говорили, что немцы совсем рядом. Мне в ту пору было 13, и я на всю жизнь запомнил эти страшные дни.

Древний Львов горел. Машины с трудом пробирались по узким улицам, заполненным спешно покидавшим город гражданским на-

селением. Это походило более на бегство, чем на заранее спланированную эвакуацию. Никто не ожидал такой развязки событий.

На рассвете мы въехали в Золочев. Пустые улицы, по которым медленно двигалась колонна грузовиков. Неожиданно вспыхивает бешеная стрельба. Выстрелы слышатся со всех сторон. По машинам ведется прицельный ружейно-пулеметный огонь. Особенно страшно грохочет пулемет. Откуда-то с высоты церковной колокольни. Это бандеровцы. Диверсанты. У нас нет танков, и сбить пулемет с колокольни нечем. Среди нас нет вооруженной охраны, так что ответить мы тоже не могли. К счастью, бандеровцы стреляли плохо. Пули ложились рядом с колонной, но все же некоторые попали в машины. Жертв пока нет. Машины набирают скорость и быстро проскакивают городок...

Однако далеко отъехать нам не удалось. В небе неожиданно появились немецкие самолеты. Их несколько. Потом военные нам объяснили, что это были «юнкерсы». Они совсем низко проносились над колонной, оглушая ревом моторов. Страшный грохот от взрывававшихся вокруг нас бомб смешивался с трескотней авиационных пулеметов. Паника жуткая. Все попрыгали с машин и побежали в разные стороны, пытаясь укрыться в уже высоких жилищах... Наверняка этот ужас длился две-три минуты, но нам он казался бесконечно долгим. Некоторые машины горели, одна была разбита прямым попаданием бомбы. Наша уцелела. Несколько человек было ранено. Их неумело перевязали разорванным бельем. Когда стали рваться бомбы, отец накрыл собой маленькую Зою в светлом платьице, я лежал рядом. Убитых, к счастью, не было. Колонна, объезжая разбитые и горящие машины, подобрал людей с разбитых машин, двинулась дальше.

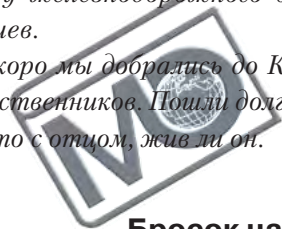
Впереди Тернополь. Скоро колонна останавливается. Где-то рядом идет бой. Уничтожается вражеский десант. Говорят, это тоже были заброшенные немцами бандеровцы. Возникает паника. Нам кажется, что каждый смотрящий в нашу сторону местный житель сейчас начнет стрелять. Многие уходят с нами. Это не только коммунисты и комсомольцы, местный советский и партийный актив. Уходят те, кто с радостью встречал Красную армию в 39-м, для кого советская власть стала родной...

Ночью машины въехали в Тернополь. Он был ярко освещен сброшенными немцами с самолетов САБами¹. Самолеты не бомбили город. Они его специально освещали, чтобы дать возможность засевшим на чердаках и колокольнях десантникам из немцев и бандеровцев вести прицельный огонь по отходящим на восток частям Красной армии. Расправляться с десантом времени не было, немцы совсем рядом...

Стреляя в спину отступающей Красной армии, бандеровцы, опьяненные первыми и ошеломляющими успехами вермахта, салютовали в честь гитлеровской Германии и боготворимого ими фюрера.

Такая ситуация в тылах отступающей Красной армии была характерной на всех направлениях главного удара германских войск, вторгшихся на территорию Советской Украины 22 июня 1941 года... Ехавшие с нами командиры-танкисты вместе с отцом проследовали в недалеко расположенный от Ровно свой танковый корпус. Все гражданские, женщины и дети остались у железнодорожного вокзала и успели выехать поездом на Киев.

Скоро мы добрались до Киева, а затем очутились в Полтаве у родственников. Пошли долгие месяцы безвестности. Мы не знали, что с отцом, жив ли он.

Бросок на защиту Москвы

Октябрь 1941 года... Последние дни работы Харьковского тракторного завода. Знаменитый на всю страну ХТЗ. В числе других тракторных гигантов он в мирное время обеспечивал МТС страны своими знаменитыми «стальными конями». Остановлена и демонтирована для эвакуации на восток танковая поточная линия. На этом заводе был разработан и запущен в производство ставший знаменитым и признанный лучшим танком Великой Отечественной Т-34, ласково прозванный танкистами «тридцать четверочкой».

---

¹ САБ — светящая авиабомба.